

К 90-летию Олжаса Сулейменова

«Простор» представляет вниманию читателей текст выступления нашего постоянного автора Ерулана Канапьянова на VI Международном форуме сближения культур Евразии

**ОСОЗНАННАЯ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ
В ГЕОПОЛИТИКЕ**

В первую очередь мне хотелось бы сказать, что с декабря 2024 года по декабрь 2025 года Международным центром сближения культур под эгидой ЮНЕСКО проделана большая и целенаправленная работа по подготовке и проведению знаковых и интересных мероприятий: организованы три конференции, два лектория, фестиваль и – сегодняшний форум. Темы этих мероприятий – «О возрождении читающей нации», «О рождении тюркославистики», «О Законе Осириса: древнеказахский язык и культурное наследие человечества», все они так или иначе связаны с научным и литературным творчеством великого поэта-трибуна, философа-мыслителя, выдающегося деятеля мирового масштаба Олжаса Сулейменова.

Название форума «Философия осознанной взаимозависимости» вытекает из гениально сформулированного тезиса Олжаса:

***От веков зависимости,
Через период независимости –
К эпохе осознанной взаимозависимости.***

К этому тезису необходимо привыкать в научном и гуманитарном мире, этому тезису нужно всячески учить молодежь и прививать внимание подрастающего поколения к этой формуле как к непреходящему постулату развития человеческой цивилизации и мирного сосуществования народов и государств. И я бы сказал, что эту формулу нужно внедрять, чтобы она стала привычна для восприятия на самых высоких политических, межгосударственных, научных и творческих форумах и саммитах.

В этом плане очень примечательно и похвально, что организаторы форума предложили рассматривать понятие «осознанной взаимозависимости» через призмы конфуцианства и культуру знаний Чокана Валиханова. И через это привести к осмыслению сулейменовской формулы пути человечества в будущее.

Если говорить о конфуцианстве, то ведь это даже не философия, не религия, не образ жизни, а большой мировоззренческий столп, на который надстраиваются и философия, и религия, и весь социально-экономический комплекс человеческих взаимоотношений в обществе: взаимоотношений между старшими и младшими, родителями и детьми, мужчиной и женщиной, имущим и неимущим, начальником и подчиненным и другие аспекты. И, конечно же, конфуцианство как главенствующее мировоззрение в крупнейшем сверхдержавном государственном образовании – Китае, а также в отдельных сопредельных странах, нужно соотносить с этой выдающейся

формулой Олжаса об «осознанной взаимозависимости».

Я помню, как в 1992 году был назначен первый Посол Независимого Казахстана в Китае – наш незабвенный Мурат Ауэзов, и в это же самое время был назначен первый Посол Китая в Независимом Казахстане Чжан Дегуан – выдающийся дипломат и государственный деятель Китая. Мы в то время, более тридцати лет назад, соратники и молодые друзья Мурата Мухтаровича, вместе с представителями Чжан Дегуана создали неформальный клуб, который назвали «Форум Ауэзова – Дегуана». Клуб просуществовал недолго, два года, но сколько было интересных встреч, обсуждений, в том числе по конфуцианству. Хочется ска-

зать, что основа мировоззрения конфуцианства и выведенная формула Олжаса о взаимозависимости не входят в какие-либо противоречия, а, взаимно дополняя друг друга, движутся в одном русле.

Понятно, что название одной из сессий форума – «Культура знаний Чокана Валиханова» связано с отмечающимся в этом году его 190-летием, но я не считаю эту тему искусственно притянутой к обсуждению.

У Чокана Валиханова, родившегося в первой трети XIX века, если можно так сказать, в определенном смысле выбора не было. Большая часть Казахстана, а именно Западный, Северный и Центральный Казахстан, к тому времени была колониально захвачена и входила в Российскую империю. Мальчик, родившийся в семье полковника царской армии – султана Чингиза Валиханова, уже с одиннадцати лет носил мундир, обучаясь в кадетском корпусе. А позднее были звания: поручик, штабс-ротмистр и в 28 лет – ротмистр.

Нужно просто живо себе представить атмосферу, царившую в степи в начале и середине XIX века. Ханская власть была упразднена, а волостные и окружные ага-султаны выбирались, но под жестким присмотром царских властей. И в этой ситуации нельзя сказать, что элита разделилась, а просто большинство элиты выбрало прагматизм, и уже в соответствии с новыми условиями, связанными с колониальной зависимостью, они начали устраивать свое житье-бытьё, жизнь своей семьи (семей), своих родов, племен и т. д. Подавляющее большинство бывшей знати, крупных феодалов приняли такое развитие событий. И только один мятежный султан, а в последствии хан Кенесары продолжил борьбу, начатую еще его отцом и старшими братьями.

Кенесары был казнен в 1847 году, когда Чокану было 12 лет. Не думаю, что это событие не обсуждалось в стенах кадетского корпуса, где учился Чокан. Примерно в это же время, с разницей в несколько месяцев, был убит Махамбет. А несколькими годами ранее погиб Исатай Тайманов. Вот такая была внутривнутриполитическая ситуация. Как я уже отметил, элита выбрала прагматизм. Против Кенесары пошли наущенные (если не сказать науськанные) царскими властями отдельные представители знати и крупного байского сословия – султаны Коныр-Кульджа, Сюз Абылайханов, Ахмет Султан и даже Кунанбай Ускенбаев – отец Абая. Кенесары уничтожил несколько десятков султанов, пошедших против него, но, например, отца Чокана – своего двоюродного брата – султана Чингиза Валиханова Кенесары не тронул, потому что тот не пошел впрямую против него.

Я допускаю, что какой-то внутренний протест у Чокана созрел давно. А участие в походе полковника Черняева на Аулие-Ату (это современный Тараз) стало для него просто шоком, когда казачьи шашки были направлены против мирного населения. Как известно, после Черняевского похода, написав рапорт, покинули корпус не только Чокан, но и несколько русских офицеров, не согласных с методами Черняева.

А вот пребывание Чокана в последний период своей жизни в Алтын-Эмеле у султана Тезека вызывает много вопросов. Во-первых, почему он не поехал в свой любимый Сырымбет, к отцу, к своим близким? Версия, что он болел и лечился, не выглядит убедительной. Не такой он был больной, если смог жениться и жить с молодой женой Айсары. В то же время с утверждениями некоторых исследователей, что Чокан вообще не болел, что это всё выдумки и его просто убили, я не совсем согласен. Информация о том, что он болел, есть в его переписке с отцом, родными, друзьями. Это невозможно всё придумать и сфальсифицировать. Другой вопрос, что наряду с болезнью ему могли помочь приблизить конец. Эта точка зрения имеет право на существование, так как у Чокана уже были политические амбиции стать ага-султаном, а царским властям образованный, демократически настроенный ага-султан был не нужен. Дружба с ссыльными демократами, в том числе с Федором Достоевским и политически ненадежной интеллигенцией в Петербурге, и, наконец, открытое противостояние и демарш перед Черняевым, включая отказ от выполнения приказов, могли стать причиной принятия тайного решения. Ведь Третье отделение (охранка) не дремало.

По моему мнению, в этот период у Чокана был острый внутренний психологический надрыв. Его всё чаще посещали мысли, что, наверно, правы Кенесары, Исатай и Махамбет, которые встали на защиту своего народа. А он – Чокан, и его отец, и другие – служат другому государству – государству порабощителю и колонизатору. И поэтому Чокан не поехал к отцу, не поехал в Сырымбет, а остался со своими тяжелыми думами в Алтын-Эмеле.

А теперь личное. Я родился в Сырымбете, в родовом поместье Чокана. Как известно, настоящее имя Чокана, как и имя моего родного деда, было Мухамед-Канапия. Наш общий предок с Чоканом – это Канышер Абылай, Грозный Абылай. И в жилах Чокана текла так же, как и в моих течет, кровь наших великих предков. И мне, где-то на молекулярном уровне, понятны и объяснимы его думы и чаяния, его поведенческий код.

Живя во времена зависимости, он своими знаниями, идеями, культурой, гениальными способностями и широтой взглядов устремлялся в будущее, приближая и период независимости, и уже тогда, в то время, был человеком, осознающим философию взаимозависимости...

Григорий Потанин в свое время говорил: «Чокан жил со своими современниками, обменивался с ними своими страстями, но интересовался судьбой больше людей будущего».

...2001 год, приближалась историческая дата – 200-летие последнего хана казахов Кенесары. В тот период в Алматы была создана творческая инициативная группа по продвижению вопроса установления памятника Кенесары хану. Группу возглавил внучатый племянник Чокана, известный архитектор и общественный деятель Шота Валиханов (мой дядюшка, ушедший из жизни в 2021 году. Светлая ему память). Как раз за год до создания группы, по моей инициативе, мы с Шотой Валихановым провели значимую общественную акцию «Человек века», цель которой была определить десять исторических фигур в контексте истории Казахстана, которые будут провозглашены «Человеком века», уходящего двадцатого века. Кстати,

наряду с такими деятелями, как Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Мухтар Ауэзов, Каныш Сатпаев, Динмухамед Кунаев, человеком века был провозглашен и Олжас Сулейменов.

Но вернемся к вопросу о памятнике. Когда был профессионально изготовлен макет будущего монумента, ситуация требовала согласования проекта на самом высоком уровне. Ведь на самом деле еще каких-то пятнадцать лет назад от того времени имя Кенесары отождествлялось советскими официальными властями с феодально-монархическим, националистическим движением, а тут предлагалось установить ему памятник. Мы с Шотой Едрисовичем по этому вопросу встречались со многими представителями государственных органов разного уровня, в том числе с людьми из администрации Президента. Вскоре нам была назначена встреча для обсуждения макета будущего памятника у тогдашнего президента Н. Назарбаева. На встречу были приглашены четыре человека из инициативной группы: Шота Валиханов, Абдысагит Татыгулов, Нурлан Далбай и я. Обсуждение заняло довольно продолжительное время.

В этой статье я не ставлю целью описывать все перипетии, связанные с продвижением вопроса по установлению памятника, было много разных, малоизвестных для широкого круга лиц моментов. Думаю, я подробно об этом напишу в другой статье. Скажу лишь, что через несколько месяцев до нас было доведено, что принято решение установить памятник не в Алматы, а в Астане. И в мае 2001 года величественный монумент Кенесары хану был установлен на набережной Ишима. На конной скульптуре Кенесары восседает в седле, направив свой гордый взор на север, в сторону России...

...В далеком 1865 году в Алтын-Эмеле Чокан провел свои последние дни в тяжелых думах о трагедии своего народа, об истинных его защитниках, и в первую очередь о Кенесары. А через 135 лет его потомок, внучатый племянник Шота Валиханов, установит памятник народному герою в столице Независимого Казахстана.

Пути Господни неисповедимы.

Гениальный тезис Олжаса предполагает прежде всего высокую культуру в геополитических взаимоотношениях, когда принципы гуманности и мирного сосуществования всегда будут главенствовать перед двойными стандартами и экспансиями в любых их проявлениях.

*Ерулан КАНАПЬЯНОВ,
президент Евразийского фонда культуры,
академик Академии журналистики Казахстана,
член Союза писателей Казахстана*